

Двадцать шесть дней до летнего солнцестояния

Структура власти независимых городов Благословенных земель сильно варьировалась от края к краю, но кое-что оставалось неизменным — почти всюду узды правления держала церковь. На первый взгляд. При должном статусе и опытном взоре можно было то тут, то там раскусить поразительно властных людей, официально не имеющих никакого отношения к верхушкам священнических санов.

Такие экземпляры Коловрат называл «малиновыми жрецами». В каждом городе следовало раскусить подобных людей и установить с ними связь. Все они были по-разному властны, в разной степени пытались скрыть свое положение, и к каждому нужно было найти свой подход.

И если аудиенции с официальной властью могли дать небольшие, но моментальные подвижки — то малиновые жрецы, напротив, были силой медленной, зато всеобъемлющей.

В Градомудрище Коловрат знал целую династию, имеющую тайные рычаги давления на церковь. Семейство Влепов. Разумеется, открытое внимание проявлять к ним было нельзя, а, значит, и заявиться в дом Влепов нужно было незаметно. День фестиваля оказался идеальным вариантом для тайного визита — все нежелательные свидетели были заняты зрелищами Тефлиоса.

Семья Влепов имела одну традицию, согласно которой старшие сыновья уже не одно поколение отдавали себя на служение Натсиаян, принимая самое строгое послушание, чтобы к тридцати годам получить шанс вознестись на самые верха. Однако около десятка лет назад из-за одного неудачного решения влияние Влепов стало падать.

За час до полудня Коловрат уже сидел за столом немногочисленного и необычайного семейства. По местным обычаям закусывать было не принято, так что ему только любезно налили горячего хмеля, пока он добросовестно докладывал о последних событиях в Гелиограде и обстановкой в их отношениях с Градомудрищем.

— У нас сейчас все об одном только и заботы, что о солнцестоянии, гина Достана. — Обратился Коловрат к фактической главе семейства.

Достана Влепа была крупной женщиной с добрым лицом и неисчислимым количеством улыбок в своём арсенале, назначение которых начиналась от тихого гнева и глубокого презрения, а заканчивалось активным одобрением со скрытым требованием не отклоняться от её приказаний. Супруг же её, Яромир, сидевший подле, обыкновенно предпочитал помалкивать с умным видом и, как считал Коловрат, правильно делал.

— Доставите ли вы нам удовольствие видеть вас в эту солнечную ночь?

— Вы, как всегда, обходительны, ан Коловрат. — Её лицо польщённо засияло, но взгляд был выжидающим и напряжённым.

Оба они понимали, что Коловрат пришёл сюда не льстить и отчитываться. Былое могущество Влепов взялось не из воздуха. Через одно поколение по женской линии им передавался дар предвидения, таким образом, матушка и дочь Достаны были ясновидящими. Именно за этим, но никак не чтобы сделать честь угасающей семейке, Коловрат посетил этот дом.

— Благодарю. Вы как никто знаете, сколь я признателен вам за все эти разы, в кои вы мне покровительствовали. Не буду лукавить, ваша семья — мои самые близкие друзья. — Слукавил

Коловрат. Достана была взволнована, о чём можно было судить по нервно дёргавшимся бровям на её непроницаемом деликатно-вежливом лице. — Я бы хотел поговорить с вами о гине Трезоре.

Услышав это заявление, оживился даже Яромир — его брови поднялись, он чуть вытянул шею. Речь шла об их дочери, к тому же Коловрат, должно быть, стал первым, кто назвал её «гиной», так как этим словом называли только взрослых женщин.

— Я хотел бы соединиться с ней в жизни. — Добавил Коловрат, не дождавшись ответа.

— Какая неожиданность. — Произнесла Достана, силясь понять, верно ли она расслышала. — Вы хотите на ней жениться?

— Мое слово. — Подтвердил Коловрат. — Вас это удивляет? Отчего?

Причин удивляться было предостаточно: начиная от того, что Коловрат виделся с Влепами пару раз в год, заканчивая тем, что никогда ранее он не проявлял интереса к юной Трезоре.

— Гина Трезора кажется мне идеальной партией. — Невозмутимо продолжил Коловрат. — При всех её талантах и добродетельности, лучше невесты мне не сыскать.

Достана быстро ориентировалась в непредвиденных обстоятельствах. Она метко взвесила ситуацию — они с каждым годом беднели, Коловрат же был братом самого помазанника Тефлиоса, и состояние его едва ли поддавалось измерению, дипломатическое влияние его хоть и было сомнительным, но на своей службе он по одному лишь факту рождения был закреплён навсегда. Чего же хотел Коловрат взамен на такой щедрый подарок Влепам, как родство? У Достаны был только один вариант — он хотел использовать дар предвидения Трезоры в своих целях. Заиметь такую жену было вполне понятным желанием.

Отпив уже совсем остывшего хмеля, Достана улыбнулась — это сделка обещала стать самой выгодной в её жизни.

— Но ведь ей всего четырнадцать. — Вдруг раздался голос Яромира.

— Ан Коловрат тоже весьма молод. — Достана улыбнулась своему супругу до того напряжёнными губами, что он тут же затих.

Послышался тихий скрип половицы. Услышав своё имя, Трезора решила аккуратно подобраться ко взрослым, однако остаться незамеченной не удалось.

— Ты как раз вовремя. — Достана махнула дочери рукой, чтобы та подошла ближе.

Коловрат бросил короткий оценивающий взгляд на тонкую фигуру в дверном проёме и встал, чтобы шагнуть к ней навстречу. Достана была отчасти права — Трезора нужна была ему из-за своего ясновидения, но замысел его был сложнее, чем желание подглядывать в будущее через невесту. В Большой Библиотеке Коловрат сумел отыскать нужную ему инструкцию, одним из пунктов которой был кровожадный обряд похорон сердца. Более того, для его осуществления нужен был человеческий мастер. Человечьими мастерами назывались люди, имевшие отличительные способности, неподвластные богам: таланты в искусстве, разных ремёслах, а также имели любого рода прорицания.

— Гина Трезора. — Коловрат подошёл к так и не шелохнувшейся девочке и поклонился ей в пояс.

Это произвело впечатление на всех: Достана чуть ли не захлопала в ладоши, видя, что Коловрат не шутил, и намерения его серьёзны; Яромир едва заметно вздохнул, не в силах что-либо изменить; а Трезора вздрогнула и отшатнулась. Её темные, почти чёрные глаза непонимающе уставились на Коловрата, будто она видела его впервые. Коловрат же тем временем взял в руки её небольшую темную ладонь.

— В добром ли Вы здоровье? — мягко спросил он.

— Теперь нет. А коли отпустишь, стану. — Наконец заговорила она.

Коловрат отпустил её руку, стараясь изобразить смех сквозь сжатые зубы. Трезора и раньше не стеснялась никому грубить, но сегодня она была до странного тихой. Услышала, стало быть, про свадьбу. Коловрат вновь оглядел свою почти уже невесту. И что же? Не хочет? Это плохо. Впрочем, против матушки она пойти не может. А там слюбится, куда денется. Впрочем, быть может, Трезору следовало как-нибудь убедить? Наобещать ей всего да побольше, чтоб поохотнее под венец пошла.

— Гина Достана, прошу прощения за мою дерзость, но не могли бы вы позволить мне переговорить с гиной Трезорой наедине?

И как только она поверит, что урвала золотого жениха, обязательно спустить её с небес на землю, припугнуть. А уж припугнуть глупую девчонку было проще простого.

Достана открыла уже было рот, чтобы дать согласие, как вдруг в передней раздался шум, а затем в гостиную ворвался человек. Влепы уже пару лет как не имели слуг, так что любой мог так сделать при должной смелости, но до сего дня желающих не находилось. Белёсое перепуганное лицо ворвавшегося точно принадлежало кому-то из паяцев, но что это за человек, Коловрат не мог припомнить, пока не услышал ломаную речь:

— Ан Коловрат... там площадь, и... идёт!

Сильный флипсианский акцент сразу выдал того несчастного лафиниста, чью песню забраковали.

Достана уже собиралась возмутиться на незваного гостя, но Коловрат, даже не посмотрев на неё, обернулся к Фиме.

— Что произошло на площади?

— Там женщина... и фиолетовый господа недовольны... но не все! — Фима отчаянно пытался подобрать слова, но попросту не мог вспомнить нужные. — Попросили за Вас прийти!

При других обстоятельствах слова про фиолетовых господ его бы позабавили. Коловрат понял только, что возникла какая-то проблема, и с ней нужно было немедленно разобраться. Он коротко поклонился Достане и Яромиру. Трезора уже успела убежать. Разобраться с ней можно было и позже.

Уже выйдя на улицу вслед за взволнованным Фимой, Коловрат почувствовал тошнотворное волнение вперемешку со страхом. Если за ним послали первого попавшегося под руку (а по-другому этого флипсианца назвать было нельзя), да ещё и указали ему дом Влепов, значит случилось что-то тревожное. Самым пугающим было, что Коловрат не имел понятия как он будет справляться с бедой, с которой ничего не сделала ни Морена, мать всех паяцев, ни кто-либо ещё из многочисленных ответственных лиц.

И если у него не будет единой возможности красиво выйти даже из самого затруднительного положения, никто не будет к нему снисходителен. Ещё бы! Должность, к которой раньше знатоки своего дела шли годами, досталась какому-то сопляку. «Да ещё и бездарю» — напомнил себе Коловрат. Ещё в детстве он не обнаружил в себе ни способности прислушиваться к высшим силам, что в Гелиограде пользовалось большим спросом, ни к человеческому мастерству, что хоть и ценилось меньше, но хотя бы было полезно.

— Что за женщина на площади? Из наших? — спросил Коловрат, чтобы не терять понапрасну время в дороге.

— Нет, ан Коловрат. Я это в первый раз видел.

— Стало быть, местная? Чем же она тогда прогневала жрецов?

— Она не сделала одежд на грудь. — В дрожащем голосе Фимы возникла какая-то задумчивость. — Но другие фиолетовые господа встали и смотрят его представление.

Коловрат почувствовал сладковатый пряный запах: они приближались к площади, где помимо зрелищ добрая делегация из Гелиограда предоставила ещё и хлеб в широком ассортименте. Коловрат совсем перестал понимать, что произошло. Он с недоверием покосился на Фиму, тот изо всех сил щурил свои красноватые глаза, а по щекам его текли слёзы. Коловрату хотелось думать, что это от яркого солнца, потому что если флипсианец аж плакал от страха, то идти туда смысла было все меньше.

И вот Коловрат завидел вдалеке, как на площади неподвижно столпился народ. Что именно стало предметом их внимания, разглядеть было нельзя. Те, кто не застыл на одном месте, напротив, суетливо беспорядочно сновали из стороны в сторону.

— Не ходите дальше. — Фима испуганно остановился. — Она Вас остановит как других! Я не смотрела, поэтому ушла за Вас!

Слушать речи Фимы было до головной боли тяжело. Коловрат огляделся: ярмарка превратилась в бедлам: быстро, но заботливо сколоченные прилавки с угощениями были перевёрнуты, где-то остались брошенными инструменты скоморохов. Краем глаза Коловрат заметил двух танцовщиц, с криками выяснявших, куда им лучше бежать, чтобы скрыться. Фиолетовыми пятнами сновали жрецы Натсияян, закрывая глаза ладонями, чтобы не попасть под чары, окутавшие других. Коловрат бросил напоследок:

— Стоишь здесь. Мне всё равно надо посмотреть. Если я тоже застыну, оттащишь меня силой.

Коловрат был суеверным и ни за что бы не сунулся туда, если бы не груз ответственности и сопливый Фима — ему казалось, что он станет таким же трусливым, если останется рядом с ним. Он приблизился к застывшей толпе и шагов за двадцать разглядел фигуру, кружащуюся в странном вихре. Подойдя ближе, он различил, что незнакомка оставалась почти неподвижной, она только выделяла что-то руками, а вокруг неё в воздух поднимались и бесновались песок, пыль и что-то... что-то светящееся, будто огоньки от свечи или от этих странных местных лучин.

Сонная дымка окутывала разум Коловрата, он сумел это заметить и, быть может, успел бы и вовремя опомниться, но в голове застряла навязчивая мысль, что он должен взять всё в свои руки, и права на бегство не имеет. Приблизившись ещё на пару шагов уже не своими ногами, но будто чужой волей, он разглядел ведьму. Фима не соврал, та и правда была едва одета, лишь какая-то лёгкая ткань, размером не больше платка, зачем-то свисала у неё с пояса, ничего, впрочем, не скрывая.

Она стояла на земле твёрдо, как стоят хозяева, собравшиеся жёстко наводить порядок на своей территории. В осанке своей она походила на воительницу, но ничего более в ней этой черте не отвечало. Тело, не отмеченное ни трудом, ни боями — барышня либо из богатой семьи, либо сошедшая с небес. Полновесные белые бёдра подходили на облака — столь же недостижимые, сколь завораживающие, босые ступни её, казалось, вовсе не касаются земли, такая нежная материя могла соприкоснуться исключительно с шёлком или мехом. Её руки утопали в кружащемся тумане, коим они же и повелевали, движения их были неуловимы, нечеловечески ловки. Частью её чудес смотрелись и исполинские груди с монументальными сосцами, словно выточенными из гранита. Эти груди тянулись к животу с тоскливой усталостью, но и в том была величавая, неохватная грация. Чтобы увидеть их вблизи, было не жаль, пожалуй, и сложить голову.

Но всякий раз, что Коловрат пытался отвести глаза от рук ведьмы и огоньков, которыми она руководила, и пытался разглядеть её лицо, что-то ослепляло его и без того околдованное сознание, и ничего не открывалось его взору.